
Мапоим
Взор
ФАВОРИТКА, ВЫИДИ ВОН 2

Максим Взор

Фаворитка, выйди вон
2. Проклятое зеркало

«Автор»
2026

Взор М.

Фаворитка, выйди вон 2. Проклятое зеркало / М. Взор — «Автор», 2026

Вероника Лебедева, застрявшая в восемнадцатом веке в теле княгини Екатерины Дашковой, наконец-то обрела шаткое равновесие. Она стала незаменимой фавориткой императрицы Екатерины II и научилась выживать в мире дворцовых интриг. Но прошлое не отпускает тех, кто осмелился украсть чужую судьбу.Однажды ночью на подоконнике её спальни появляется украденный чёрный веер. На его пластинах проступают чернила, предупреждающие о «второй перемене». А следом в Петербурге объявляется женщина, знающая о Дашковой то, чего нет ни в одном дневнике. Незнакомка заявляет, что она и есть настоящая Екатерина Романовна, чьё сознание в ночь каретной катастрофы было выброшено в чужое, чуждое тело.Пока две женщины ведут отчаянную борьбу за право называться Дашковой, уцелевшие адепты тайного общества «Нулевая сумма» приводят в действие чудовищный план.

© Взор М., 2026
© Автор, 2026

Максим Взор
Фаворитка, выйди вон
2. Проклятое зеркало

Глава 1. Веер, пришедший ночью

Веер лежал на подоконнике так, словно никогда его не покидал.

Вероника не сразу решилась прикоснуться к нему. За окном дождь бился о стекло, ветер раскачивал голые ветви, а в тёмной комнате пахло воском, мокрым камнем и розовым маслом, которым служанка смазывала деревянные рамы.

Несколько минут назад веера здесь не было.

Вероника могла поклясться.

Она подняла его, развернула и вновь прочитала надпись:

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАНЯТО. ТЕПЕРЬ УЗНАЙ, КТО ГОТОВИТ ВТОРУЮ ПЕРЕМЕНУ.

Чёрный круг под словами казался нарисованным совсем недавно. В центре стояла точка, похожая на зрачок.

Ноль.

За дверью раздались шаги.

Вероника погасила свечу, положила веер на стол и вооружилась серебряной чернильницей. Оружие выглядело несерьёзно, но весило не меньше хорошего молотка. При должной решительности ею можно было убедительно завершить любой спор.

Человек в коридоре остановился.

Дверная ручка медленно повернулась.

Вероника подняла чернильницу над головой.

— Если вы намерены убить меня этой вещью, — произнёс знакомый женский голос, — постарайтесь не испачкать платье. На нём чернила заметнее, чем кровь.

Вероника опустила руку.

— Ваше Величество?

В комнату скользнула женщина в тёмном мужском плаще. Волосы Екатерины были спрятаны под шляпой, лицо почти полностью закрывала широкая тень от полей. Следом вошёл Григорий, один из доверенных слуг императрицы. Он осмотрел комнату, заглянул за ширму и бесшумно удалился в коридор.

Екатерина сняла мокрые перчатки.

— Вы разочарованы, княгиня? Ожидали убийцу?

— Убийцы обычно предупреждают о визите реже, чем императрицы.

— Потому они и добиваются большего успеха.

Вероника зажгла свечу. Екатерина заметила веер, и насмешка исчезла с её лица.

— Откуда он?

— Лежал на подоконнике.

— Окно заперто?

Вероника проверила шпингалет. Тот не был сломан. На краске не осталось царапин.

— Заперто.

Екатерина подошла ближе. В полумраке её лицо казалось бледнее обычного. За последние недели она научилась скрывать усталость под улыбкой, но Вероника видела едва заметные тени под глазами.

— Вы говорили, что веер забрала женщина с жемчужной стрелой.

— Я видела это собственными глазами.

— Значит, либо она вошла в ваш дом, либо здесь побывал кто-то ещё.

— Есть третий вариант.

— Какой?

— Веер решил вернуться сам.

Екатерина покосилась на неё.

— Иногда я не понимаю, шутите вы или готовите меня к очередному безумию.

— Одно другому не мешает.

Вероника раскрыла веер. Пальцы Екатерины легли на крайнюю пластину одновременно с её пальцами. Прикосновение длилось лишь мгновение, но Вероника ощутила его слишком отчётливо.

Екатерина тоже не сразу отняла руку.

После недавних событий между ними установилась странная близость. Они доверяли друг другу жизнь, но не могли провести и десяти минут без взаимных испытаний. Екатерина словно постоянно проверяла, насколько далеко способна зайти её непредсказуемая княгиня. Вероника в ответ старалась понять, где кончается государыня и начинается женщина, которой тоже бывает страшно.

— Чернила свежие, — сказала Екатерина.

Вероника провела ногтем по точке в центре круга.

— Но запаха нет.

— Разве у чернил обязательно должен быть запах?

— У чернил этого времени — почти всегда. Здесь нет ни уксуса, ни железа.

Она поднесла веер к свече. Крайняя пластина потемнела. Между прежними словами проявилась тонкая золотистая линия.

— Осторожнее, — предупредила Екатерина.

— Именно так говорят студенты за минуту до того, как опыт становится интересным.

— Какие студенты?

Вероника замерла.

Она всё ещё допускала ошибки. Слова из прежней жизни иногда вырывались прежде, чем она успевала вспомнить, кем должна быть.

— Воображаемые, — ответила она. — У каждой умной женщины есть воображаемая аудитория. Иначе кому объяснять очевидные вещи?

Екатерина не поверила, но промолчала.

От тепла на пластинах выступили буквы:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАВИЛЬОН. ПОЛНОЧЬ. ТОЛЬКО ТА, КОТОРАЯ ЗАНЯЛА МЕСТО.

Вероника перечитала послание.

— Очень любезно, что нам назначили встречу на сегодняшнюю ночь.

— Нам?

— Там сказано «та, которая заняла место». Вы заняли своё. Я — своё. Можно спорить, которую из нас пригласили.

— Вы никуда не поедете.

— Тогда пригласивший решит, что я испугалась.

— Это разумная реакция на ловушку.

— Неужели разумность стала главным требованием при вашем дворе?

Уголок рта Екатерины дрогнул.

— Нет. Иначе вас давно пришлось бы удалить.

Она забрала веер и внимательно осмотрела крепление. Вероника видела, как за иронией работает её мысль. Екатерина никогда не смотрела на вещь только как на вещь. Любой подарок

мог оказаться обещанием, любая ошибка — проверкой, любое приглашение — расставленной сетью.

— Музыкальный павильон заброшен, — сказала она. — Там давно никто не бывает.

— Превосходное место для тайной встречи.

— Или убийства.

— Менее превосходное, но тоже подходящее.

Екатерина сложила веер.

— Поедем вместе.

— Пять секунд назад вы запретили мне ехать.

— Я запретила вам ехать одной.

— Послание требует…

— Меня мало волнуют требования людей, проникающих в чужие спальни.

— Это не спальня.

— В вашем доме я видела три дивана. Здесь всё может стать спальней.

Вероника приподняла бровь.

Екатерина встретила её взгляд с невинностью, которая никого не могла обмануть.

— Я распоряжусь подать закрытую карету, — продолжила императрица. — Без гербов. Вы наденете плащ и не станете спорить с охраной.

— Первое возможно. Второе противоречит моей природе.

— Постарайтесь хотя бы сегодня превзойти себя.

Она направилась к двери, но Вероника задержала её:

— Зачем вы приехали?

Екатерина остановилась.

За дверью тихо кашлянул слуга. Дождь застучал сильнее, словно старался подслушать ответ.

— Убедиться, что вы живы.

— Почему я должна была умереть именно сегодня?

— Потому что вечером задержали человека, который трижды спрашивал, где вы проведёте ночь. При нём нашли план вашего дома.

Вероника посмотрела на веер.

— И вы решили приехать лично?

— Я решила проверить безопасность женщины, слишком полезной, чтобы позволить кому-либо её убить.

— Только полезной?

Екатерина медленно повернула голову.

— Не требуйте ответов, к которым сами не готовы, княгиня.

Она вышла.

Вероника осталась возле стола. Веер хранил тепло её пальцев.

Через полчаса неприметная карета выехала со двора Дашковых. Екатерина сидела напротив, закутавшись в плащ. Двое охранников устроились на запятках, ещё четверо следовали на расстоянии.

Город за окнами растворялся в дожде. Фонари плавали в темноте размытыми жёлтыми пятнами.

Вероника думала о словах на веере.

«Та, которая заняла место».

Человек, написавший их, знал правду.

Не просто подозревал, что после катастрофы княгиня изменилась. Он знал, что в теле Екатерины Романовны Дашковой живёт другая женщина.

— Вы дрожите, — заметила Екатерина.

— От холода.

— Лжёте.

— Я учусь у лучших.

Екатерина протянула руку и поправила застёжку её плаща. Жест был почти домашним и оттого более опасным, чем открытая нежность.

— Что бы мы там ни увидели, — тихо сказала она, — не действуйте в одиночку.

— Вы мне приказываете?

— Прошу.

Вероника посмотрела на неё.

Екатерина редко просила.

Карета остановилась.

За окном виднелся тёмный силуэт павильона. Двери были распахнуты, а внутри мерцала одинокая свеча.

Рядом со свечой сидела женщина под чёрной вуалью.

На столе перед ней лежал второй веер.

Глава 2. Женщина без имени

Музыкальный павильон построили для летних вечеров, но теперь он напоминал забытый склеп. Ветер проникал через щели в стенах, шевелил выцветшие занавеси и извлекал из заброшенной арфы едва слышный стон.

Женщина за столом не двигалась.

Вероника вошла первой. Под плащом у неё был спрятан короткий кинжал, пользоваться которым она толком не умела. Екатерина шла в нескольких шагах позади. Охрана осталась снаружи, однако Вероника знала: достаточно одного крика, чтобы двери павильона сорвали с петель.

— Вы опоздали, — сказала незнакомка.

— На четыре минуты, — ответила Вероника. — Дождь, отсутствие дорог и привычка кучера ценить собственную жизнь.

Голос женщины показался ей странно знакомым. Не сам тембр, а интонация — стремительная, нетерпеливая, с едва заметным нажимом на последние слова.

Так иногда говорила она сама.

— Я просила прийти одну.

— Вы просили ту, которая заняла место, — отозвалась Екатерина. — Формулировать следовало точнее.

Незнакомка резко поднялась.

— Ваше Величество…

— Покажите лицо.

— Я не могу.

— Тогда разговор окончен.

Екатерина повернулась к выходу.

— Катенька, подожди.

Императрица замерла.

Вероника прежде не слышала, чтобы кто-либо обращался к ней таким тоном. Не почтительно, не фамильярно, не заискивающе. Так можно было окликнуть близкую подругу, которую знаешь много лет.

— Кто позволил вам так меня называть? — холодно спросила Екатерина.

— Ты сама. В тот день, когда сказала, что устала быть великой княгиней хотя бы в одной комнате. Мы сидели на полу в библиотеке. Ты сняла туфли и жаловалась, что придворная обувь придумана врагами человечества.

Екатерина медленно обернулась.

Этого воспоминания Вероника не знала.

Но её тело знало.

В груди внезапно стало тесно. Перед глазами мелькнули солнечная полоса на ковре, раскрытая книга и тонкая женская ступня в шёлковом чулке. Образ исчез так быстро, что Вероника едва не решила, будто сама его придумала.

Незнакомка подняла руки к вуали.

— Простите, — сказала она. — Моё лицо вам ничего не скажет.

Чёрная ткань упала.

Женщине было около двадцати пяти. Узкое лицо, светлые волосы, серые глаза. На левой щеке тянулся неровный бледный шрам. Она не походила ни на Веронику, ни на Дашкову.

Но смотрела она на Екатерину с такой болью, что Веронике захотелось встать между ними.

— Назовите себя, — потребовала императрица.

— Анна Андреевна Свиридова. Так написано в бумагах, которые мне дали.

— А настоящее имя?

Женщина перевела взгляд на Веронику.

— Екатерина Романовна Дашкова.

Тишину нарушила струна арфы. Она лопнула от холода и с жалобным звоном упала на деку.

Вероника рассмеялась.

Смех получился слишком громким.

— Нет, — сказала она. — Нет, это даже для меня чересчур. Тайные общества, яды, маски, шифры — всё это я готова принять. Но вас могли обучить. Вам могли рассказать несколько историй.

— Могли.

— Тогда докажите.

— У тебя под правой лопаткой родинка в форме полумесяца. Ты ненавидишь запах варёной репы. В детстве ты сломала палец, когда полезла ночью в библиотеку брата. Кость срослась плохо, поэтому перед дождём палец ноет.

Вероника невольно сжала правую руку.

С самого пробуждения в этом веке средний палец иногда болел. Она объясняла это последствиями катастрофы.

— Это мог знать лекарь, — возразила она.

— На внутренней стороне обручального кольца выгравирована ошибка. Михаил велел написать «Навеки твой», но мастер пропустил букву. Я заметила на второй день после свадьбы и никому не сказала, чтобы не смущать мужа.

Вероника сняла перчатку.

Кольцо плотно сидело на пальце. Она редко разглядывала его. Теперь поднесла к свече и прочитала почти стёртую надпись:

НАВЕКИ ТОЙ.

Не «твой».

Той.

Екатерина подошла ближе.

— Продолжайте.

— В ночь перед катастрофой я ехала не на встречу с мужчиной, как говорили. Я ехала к доктору Шталю. Он обещал показать мне опыт, способный вызвать видения будущего.

— Зачем вам понадобилось будущее? — спросила Вероника.

Анна посмотрела на Екатерину.

— Я хотела помочь ей.

— Каким образом?

— Узнать, кому можно доверять. Какие решения приведут к беде. Где мы ошибёмся. Я хотела получить знания, которых не было ни у кого.

— И получили меня, — произнесла Вероника.

— Да.

В одном коротком слове прозвучали неприязнь и отчаяние.

— Что произошло в карете? — спросила Екатерина.

Анна опустила глаза.

— Шталь велел взять этот веер. Сказал, что он станет проводником. Во время грозы я раскрыла его и увидела женщину в странной комнате. Она стояла перед множеством людей и писала на светящейся доске.

Вероника перестала дышать.

В памяти возникла университетская аудитория. Публичная лекция. Экран, проектор, лица слушателей. И старинный веер, переданный неизвестной женщиной после выступления.

— Что было на мне? — спросила она.

— Чёрное платье. Оно едва прикрывало колени.

Екатерина бросила на Веронику быстрый взгляд.

По меркам этого века платье до колен звучало почти непристойно.

— И красные туфли, — продолжила Анна. — Каблуки были тонкими, как гвозди. Я решила, что в будущем женщин подвергают особенно изощрённым пыткам.

Несмотря на страх, Вероника усмехнулась:

— В некотором смысле.

— Потом ударила молния. Карета опрокинулась. Я очнулась в чужом теле. Меня называли Анной. Я не могла понять, где нахожусь. Через несколько часов появилась графиня Бельская.

При имени графини Екатерина насторожилась.

— Бельская погибла.

— Вы видели тело?

Никто не ответил.

После разгрома «Нулевой суммы» нашли обгоревшую карету, кольцо графини и останки женщины, опознать которую было невозможно. Все решили, что Бельская пыталась бежать и погибла.

Все, кроме Вероники.

— Где вы были всё это время? — спросила она.

— В лечебнице за городом. Меня держали в комнате без окон. Давали лекарства. Расспрашивали о семье, о Михаиле, о Екатерине. Они хотели узнать, что осталось в моей памяти.

— Как вы бежали?

— Мне помог наборщик. Он печатал для них поддельные бумаги. Передал ключ и сказал найти женщину, живущую моей жизнью.

Анна шагнула к Веронике.

— Я не знаю, кто ты. Не знаю, зачем именно ты оказалась в моём теле. Но оно принадлежало мне.

— Принадлежало, — повторила Вероника. — Прошедшее время здесь важно.

— У тебя есть моё имя. Мой муж. Мой дом.

— А у тебя есть тело Анны Свиридовой.

— Я его не просила.

— Я тоже не подавала заявления на переселение в восемнадцатый век!

Эхо подхватило последние слова.

Екатерина посмотрела на Веронику так, словно услышала подтверждение давней догадки.

Анна же побледнела.

— Значит, это правда, — прошептала она. — Ты действительно из будущего.

Вероника поняла, что сказала слишком много.

— Сейчас не время обсуждать меня.

— Напротив. Я два года ждала именно этого разговора.

— Вы обе его получите, — вмешалась Екатерина. — Но не здесь.

Снаружи коротко свистнул охранник.

Все трое повернулись к двери.

Раздался треск разбитого стекла.

Вероника увидела, как через окно влетел небольшой чёрный шар. Он упал на пол, покатился к столу и зашипел.

— Дым! — крикнула она.

Екатерина закрыла лицо плащом. Павильон стремительно наполнялся густым серым облаком.

Вероника бросилась к Анне, но та внезапно схватила её за руку и потянула в сторону.

— Не к двери! Они ждут у входа!

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я уже однажды отсюда бежала.

Анна ударила ногой по деревянной панели под арфой. Открылся узкий проход.

Екатерина нырнула туда первой. Вероника последовала за ней. Анна захлопнула панель, когда в павильоне раздались чужие шаги.

Проход оказался низким и сырым. Они двигались почти на ощупь. Позади приглушённо кричали люди, ломали панели и кашляли от дыма.

— Куда ведёт ход? — спросила Екатерина.

— К старой оранжерее.

— Там есть выход?

— Был два года назад.

— Утешительный ответ, — пробормотала Вероника.

Рука Анны всё ещё сжимала её запястье.

Женщина, которая назвала себя настоящей Дашковой, могла оставить её в павильоне. Могла отдать людям Бельской или просто не предупредить о засаде.

Но она спасла её.

Когда впереди показался слабый свет, Анна остановилась.

— Они готовят новую перемену, — сказала она. — И на этот раз им нужна не княгиня.

Она посмотрела на Екатерину.

— Им нужна ты.

Глава 3. Память, которой не должно быть

Дом, куда привезли Анну, официально принадлежал пожилому чиновнику, проводившему большую часть года в деревне. Неофициально его использовали для людей, которых требовалось надёжно спрятать и не записывать ни в один журнал.

Комната Анны находилась на втором этаже. На окнах стояли решётки, у дверей дежурили двое гвардейцев. Екатерина назвала это защитой.

Анна — новой тюрьмой.

— Если вы пленница, — заметила Вероника, — то я тоже. За мной постоянно ходят люди, следят, с кем я говорю, и докладывают императрице, сколько раз я выходила из комнаты.

— Это называется охраной.

— Разница лишь в жалованье караульных.

Анна стояла у окна, глядя на серое утро. После ночного бегства ей дали простое синее платье. Без вуали и плаща она выглядела хрупкой, но впечатление обманывало. В каждом её движении чувствовалась привычка приказывать.

Вероника слишком хорошо знала эту привычку.

Она видела её в зеркале.

На столе лежали бумага и карандаш. Екатерина велела Веронике записать всё, что удастся узнать, но сам разговор проводить без посторонних. Императрица понимала: в присутствии свидетелей обе женщины будут защищаться вместо того, чтобы говорить.

— Начнём с простого, — предложила Вероника. — Опишите день катастрофы.

— Я уже рассказывала.

— Теперь расскажите подробно. С момента пробуждения.

Анна обернулась:

— Ты хочешь поймать меня на противоречии?

— Я преподаватель математики. Мы предпочитаем называть это проверкой исходных данных.

— Объясни, что такое преподаватель.

— Человек, который пытается передать другим знания, а потом с удивлением обнаруживает, что половина слушателей не поняла ничего, четверть поняла неправильно, а остальные считают себя умнее учителя.

— Звучит как придворная служба.

— Именно поэтому я так быстро освоилась.

Анна против воли улыбнулась. На мгновение её лицо изменилось, и Вероника ощутила неприятный укол узнавания. Так улыбалась Дашкова на старом портрете, который висел в доме Михаила.

Не губами. Глазами.

— Утром я получила письмо от доктора Шталя, — начала Анна. — Он сообщил, что всё готово. Велел приехать после наступления темноты и никому не говорить о встрече.

— Откуда вы его знали?

— Познакомилась в салоне Бельской. Он рассуждал об электричестве, природе памяти и опытах с животными. Я сначала считала его шарлатаном.

— Но всё-таки согласились.

— Он показал мне записи. Они принадлежали учёному, который утверждал, что время состоит не из прямой линии, а из множества касающихся друг друга окружностей. В определённых точках можно увидеть соседнюю окружность.

— А при неудачном опыте перескочить на неё?

— Шталь говорил только о видениях.

— Шарлатаны редко предупреждают обо всех последствиях.

Анна продолжила рассказ. Она приехала в загородный дом, села перед высоким зеркалом и взяла в руки веер. Шталь закрепил на её запястьях металлические браслеты. Графиня Бельская наблюдала из-за стеклянной перегородки.

— Значит, Бельская участвовала в опыте с самого начала, — сказала Вероника.

— Я думала, она просто дала Шталю помещение.

— А она изменила установку.

— Вероятно.

— Зачем?

Анна сжала пальцы.

— Чтобы получить тебя.

— Очень лестно.

— Не тебя лично. Человека из будущего.

Вероника подошла к столу и начертила две пересекающиеся окружности.

— Допустим, Шталь нашёл способ установить связь. Ты увидела меня, я получила веер. Затем молния дала системе слишком много энергии. Наши сознания поменялись местами.

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

Анна коснулась груди.

— Я помню вещи, которых со мной не происходило.

Карандаш замер над бумагой.

— Какие?

— Белую комнату. Свет без свечей. Длинный коридор с дверями. Женский голос говорит: «Вероника Андреевна, у вас через десять минут лекция».

У Вероники похолодели ладони.

Это был университет. Кафедра на третьем этаже. Лаборантка Лариса всегда напоминала ей о занятиях, хотя Вероника никогда не опаздывала больше чем на пять минут.

— Что ещё?

— Маленькая коробка в руке. На ней появляются лица и буквы. Ты прикасаешься к стеклу, и оно отвечает.

— Телефон.

— Я видела женщину с короткими рыжими волосами. Она называла тебя Никой.

Вероника отвернулась.

Рыжеволосую женщину звали Светлана. Они дружили со студенческих лет. В последний вечер перед лекцией Светлана прислала сообщение с приглашением встретиться, на которое Вероника так и не ответила.

— Это мои воспоминания, — тихо сказала она.

— А у тебя есть мои.

Вероника хотела возразить, но вспомнила библиотеку, солнечную полосу на ковре и снятые туфли Екатерины.

Она прежде считала, что чужое тело передало ей лишь привычки. Любовь к книгам, уверенную посадку в седле, отвращение к репе. Теперь выяснялось, что память не принадлежала целиком сознанию.

Она была рассыпана между ними.

— Расскажите о Михаиле, — попросила Вероника.

Анна напряглась.

— Зачем?

— Мне нужно проверить ещё кое-что.

— Что именно?

— Первое воспоминание о нём.

Анна прикрыла глаза.

— Он приехал к нам в конце зимы. На нём был зелёный мундир, слишком лёгкий для холода. Я подумала, что он тщеславен и непременно простудится.

Перед глазами Вероники вспыхнул образ.

Снег на ступенях. Молодой мужчина смеётся, стряхивая белые хлопья с плеч. Зелёный воротник. Слишком тонкий плащ.

Вместе с картиной пришло чувство — быстрое, горячее, беспомощное.

Она схватилась за край стола.

— Ты увидела, — сказала Анна.

Вероника не ответила.

— Это был мой день, — продолжила Анна. — Моё чувство. Почему ты можешь его помнить?

— Я не просила.

— Но пользуешься всем, что получила.

— Ты думаешь, это подарок? Я просыпаюсь и иногда не понимаю, чего хочу сама, а чего хочет это тело. Я вижу человека и чувствую привязанность, которую не заслужила и не выбирала. Я смотрю на Екатерину…

Вероника оборвала себя.

Анна внимательно смотрела на неё.

— Что происходит, когда ты смотришь на Екатерину?

— Мы обсуждаем заговор, а не мои чувства.

— Значит, чувства есть.

— Существование величины ещё не даёт вам права требовать её числового значения.

— Ты говоришь странно, когда боишься.

— А ты становишься жестокой, когда тебе больно.

Они замолчали.

Сходство между ними не имело ничего общего с лицами. Оно скрывалось глубже — в стремлении нападать прежде, чем противник заметит слабость.

Анна первой отвела взгляд.

— В лечебнице они заставляли меня вспоминать Екатерину, — произнесла она. — Задавали одни и те же вопросы. Что она любит. Чего боится. Как меняется её голос, когда она лжёт.

— Они собирали сведения для двойника.

— Не только сведения. После каждого разговора меня сажали перед зеркалом. На голову надевали металлический обруч. Иногда я слышала чужой голос.

— Чей?

— Женщина повторяла мои ответы из соседней комнаты.

Вероника быстро записала это.

— Её учили быть Екатериной?

— Возможно. Но однажды я увидела её. На мгновение, когда открылась дверь.

— Она была похожа на императрицу?

— Нет.

— Тогда зачем…

— Потому что лицо им не важно.

Анна подошла к столу и указала на пересекающиеся окружности.

— Они готовят не двойника. Они собираются переселить Екатерину в другое тело. А её тело отдать той, кем смогут управлять.

За дверью раздался стук.

Вошёл Григорий с серебряным подносом. На нём стоял чайник и лежала записка, запечатанная личной печатью Екатерины.

Вероника вскрыла её.

Обеим явиться во дворец. По отдельности. Отныне ни одному воспоминанию нельзя доверять без проверки.

Ниже была приписка:

Княгиня, постарайтесь хотя бы до полудня никого не похитить, не отравить и не втянуть в математический диспут.

Вероника невольно улыбнулась.

— От неё? — спросила Анна.

— Да.

— Что она пишет?

Вероника сложила записку.

— Что собирается проверить, кто из нас настоящая.

Анна побледнела.

— А если она выберет тебя?

— Тогда ты не согласишься с её решением.

— А если выберет меня?

Вероника посмотрела на собственные руки — молодые, тонкие, чужие.

— Тогда не соглашусь я.

Глава 4. Испытание императрицы

Екатерина устроила испытание в небольшой библиотеке, куда допускала лишь нескольких доверенных людей.

В комнате стояли два одинаковых стола, разделённых тяжёлой ширмой. Вероника не видела Анну, но слышала шорох её платья. У каждой лежали перо, чернильница и десять листов бумаги.

Императрица сидела возле окна.

Она была одета просто, почти строго. Ни короны, ни драгоценностей, ни торжественной причёски. Только голубое платье, светлые волосы и взгляд человека, который заранее приготовился услышать неприятную правду.

— Я задам вопросы, — сказала Екатерина. — Отвечать будете письменно. Разговаривать друг с другом запрещено.

— Могу я задавать уточняющие вопросы? — спросила Вероника.

— Нет.

— Тогда качество исследования вызывает сомнения.

— Княгиня.

— Молчу.

Из-за ширмы донёсся тихий смешок Анны.

Екатерина взяла первый лист.

— Какую книгу Дашкова подарила мне при нашей первой встрече?

Вероника не знала.

Она закрыла глаза, пытаясь вызвать память тела, но увидела лишь книжные полки и тонкие пальцы, переворачивающие страницы.

На листе она написала: **«Не помню»**.

— Почему на третьей странице был загнут угол?

Снова пустота.

Следующий вопрос касался детской болезни Дашковой. Потом тайного прозвища Михаила. Потом письма, которое Екатерина однажды сожгла в камине, не дочитав.

На первые пять вопросов Вероника не дала ни одного уверенного ответа.

За ширмой перо Анны двигалось почти без остановки.

— Теперь другая часть, — объявила Екатерина. — Что я сказала княгине Дашковой в ночь маскарада после обнаружения тайной галереи?

Вероника написала ответ.

— Какой знак мы нашли на печати общества?

Она ответила.

— Почему княгиня не позволила мне надеть подаренные перчатки?

Вероника подробно описала горьковатый запах и следы вещества на внутренней стороне ткани.

Перо Анны за ширмой молчало.

— Последний вопрос, — сказала Екатерина. — Каких слов я больше всего боюсь услышать от княгини Дашковой?

Вероника подняла глаза.

— Это не вопрос о фактах.

— Пишите.

Она долго смотрела на чистый лист.

Можно было ответить: «Я вас предала». Или: «Мы проиграли». Или: «Вы не можете мне доверять».

Но Екатерина боялась не этого.

Вероника написала:

«Я знаю, что случится, но не скажу вам».

Она сложила лист.

Екатерина собрала ответы и вышла в соседнюю комнату. Дежуривший у двери Григорий последовал за ней.

Ширма ещё несколько секунд разделяла двух женщин.

Потом Анна спросила:

— Что ты ответила на последний вопрос?

— Разговаривать запрещено.

— Испытание окончено.

— Запрет не отменяли.

— Ты всегда так послушна?

— Никогда. Поэтому иногда приятно притвориться.

Анна отодвинула ширму.

Её лицо было напряжено.

— Я ответила: «Мне больше не нужна ваша дружба».

Вероника почувствовала ревность — резкую и совершенно нелогичную.

— Возможно, ты права.

— Возможно, ты тоже.

Екатерина вернулась через четверть часа. В руках она держала две стопки листов.

— Анна безошибочно ответила на вопросы о прошлом Дашковой, — произнесла она. — Вероника знает всё, что происходило после катастрофы.

— Следовательно? — спросила Анна.

— Следовательно, каждая из вас говорит часть правды.

— Но кто из нас Дашкова?

Екатерина посмотрела на неё:

— Если судить по рождению и памяти — вы.

Затем перевела взгляд на Веронику:

— Если судить по телу, положению и поступкам последних двух лет — она.

— Нельзя разделить одно имя между двумя людьми, — сказала Анна.

— Почему? Мужчины делят между собой титулы, земли, победы и даже чужие заслуги. Не вижу причины, по которой две женщины не могут разделить одну сложную судьбу.

— Мне не нужна половина моей жизни.

— А я не могу приказать Веронике умереть, чтобы вернуть вам целое.

Анна отвернулась.

Вероника почувствовала облегчение, за которое тут же стало стыдно.

— Пока мы не поймём природу перемещения, — продолжила Екатерина, — ваше существование останется тайной. Публично княгиней Дашковой будет Вероника.

Анна вскинула голову:

— Потому что вам так удобнее?

— Потому что двор признаёт лицо, документы и титул. Если завтра вы объявите себя Дашковой, вас сочтут безумной или самозванкой. После этого я уже не смогу вас защитить.

— А её вы защищать можете.

— Она находится рядом со мной и потому заметнее для удара.

— Рядом с вами, — повторила Анна.

В её голосе прозвучало нечто, заставившее Веронику напрячься.

Екатерина заметила это.

— У вас будет новое имя, — сказала она. — Елизавета Романовна Воронцова. Дальняя родственница семьи, долго жившая за границей. Документы подготовят.

— Вы хотите дать мне выдуманную жизнь?

— Я хочу дать вам возможность остаться в живых.

Анна стиснула губы.

— А если я откажусь?

— Тогда покинете дворец под охраной и останетесь в доме, где провели прошлую ночь. Я не стану удерживать вас в цепях, но и позволить врагу использовать вас не могу.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Вероника поняла, что наблюдает встречу двух версий прошлого. Анна знала Екатерину до короны. Возможно, любила её. Возможно, считала своей подругой и частью собственной судьбы.

А теперь между ними стояла Вероника.

Не только физически.

— Я соглашусь, — сказала Анна. — Пока.

Екатерина кивнула.

— Хорошо. Завтра…

Дверь распахнулась.

Григорий вбежал без доклада. Для человека, способного сохранять невозмутимость во время пожара и погони, он выглядел почти потрясённым.

— Ваше Величество, записи исчезли.

Екатерина медленно повернулась.

— Какие записи?

— Ответы. Те, что вы оставили в соседней комнате.

Она посмотрела на пустые руки. Потом на стопки, которые держала.

В них лежали только последние листы.

Первые страницы с ответами на личные вопросы пропали.

— Кто входил в комнату? — спросила Екатерина.

— Никто. Я стоял у двери.

Вероника подошла к стене. Постучала по панели, затем по другой.

Звук был разным.

— Здесь пустота.

Григорий отодвинул шкаф. За ним обнаружилась узкая дверца.

Она была приоткрыта.

На полу тайного прохода лежал свежий лепесток белой розы. К нему тонкой булавкой прикрепили полоску бумаги.

Вероника прочитала:

БЛАГОДАРИМ ЗА НЕДОСТАЮЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Глава 5. Портрет с третьей рукой

Тайный ход вывел их в коридор для слуг. Человек, похитивший записи, исчез.

Не осталось ни следов, ни свидетелей. Лишь белый лепесток и запах духов, который Анна узнала сразу.

— Бельская, — сказала она. — Эти духи делали специально для неё. Роза и горький апельсин.

— Запах можно повторить, — возразила Вероника.

— Можно. Но в лечебнице им пахло каждый раз, когда она приходила.

Проверка дворцовых слуг ничего не дала. Никто не признавался, что видел женщину или мужчину, покидавших скрытый коридор. Екатерина приказала сменить караул и запретила упоминать случившееся.

К вечеру Григорий принёс список мест, связанных с Бельской.

Один адрес заинтересовал Веронику: городской особняк графини, опечатанный после её предполагаемой смерти. Большую часть имущества описали, но картины остались в доме.

Они приехали туда после наступления темноты.

На этот раз Екатерина не сопровождала их. Слишком опасно было императрице лично обследовать каждый заброшенный дом, и Вероника с неожиданным разочарованием признала разумность этого довода.

С ней отправились Анна, Григорий и четверо охранников.

Особняк Бельской встретил их запахом пыли. Мебель скрывалась под полотняными чехлами. На паркете остались тёмные следы от сапог чиновников, описывавших имущество.

Григорий зажёг несколько свечей.

— Что мы ищем? — спросил он.

— То, что не забрали, — ответила Вероника.

— Здесь почти ничего не забрали.

— Значит, придётся осмотреть почти всё.

Анна направилась к лестнице.

— Портретная галерея наверху.

— Ты часто здесь бывала? — спросила Вероника.

— До катастрофы — четырежды. Бельская устраивала музыкальные вечера. Доктор Шталь появился на последнем.

— Воспоминания точные?

— Мои — да.

— Не начинайте, — предупредил Григорий.

Галерея занимала весь второй этаж. На стенах висели изображения людей, давно потерявших имена. Многие полотна сняли и поставили на пол, прислонив к стенам.

Вероника медленно шла вдоль картин.

— Зачем Бельской столько портретов? — спросила она.

— Она говорила, что коллекционирует лица, — ответила Анна.

— Подходящее увлечение для женщины, которая меняет людям личности.

На одном из полотен были изображены семь дам в гостиной. Одна читала книгу, вторая играла на клавесине, остальные слушали. Картина выглядела обычной, но Вероника задержалась возле неё.

— Свечу ближе.

Григорий поднял подсвечник.

— Что вы увидели?

— Пока не знаю.

Вероника изучала композицию. Художник старательно расположил женщин полукругом, но расстояния между фигурами отличались. У читающей дамы правая рука лежала на книге, левая поддерживала страницу.

И всё же ткань на её плече была написана странно.

Вероника провела пальцем над поверхностью, не касаясь краски.

— Здесь что-то было.

Анна встала рядом.

— Переделанная рука?

— Художник изменил положение несколько раз. Под верхним слоем остался первоначальный рисунок.

Григорий принёс из кабинета спирт и мягкую ткань. Вероника осторожно протёрла небольшой участок. Лак потускнел, и возле талии женщины проступили очертания третьей кисти.

Три пальца были подняты, два прижаты к ладони.

— Число три, — сказал Григорий.

— Или буква, — возразила Вероника. — Посмотрим на остальных.

Под слоем краски у каждой фигуры обнаружилось лишнее положение руки. Последовательность поднятых пальцев выглядела так:

три, один, четыре, один, пять, два, семь.

— Числа, — произнесла Анна. — Но что они означают?

— Номера букв в словах? Номера страниц? Координаты?

Вероника осмотрела раму. На нижней стороне обнаружились семь крошечных насечек. Она нажала на третью, первую, четвёртую, снова первую, пятую, вторую и седьмую.

Раздался щелчок.

Задняя планка рамы отошла.

Внутри лежал сложенный лист.

Григорий развернул его на полу. Это оказался список из двадцати трёх женских имён. Рядом с каждым стояли две даты.

— Рождение и смерть? — предположила Анна.

— Нет. Некоторые промежутки слишком короткие.

Вероника читала строки.

В середине списка она увидела:

АННА АНДРЕЕВНА СВИРИДОВА. ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ — 14 АПРЕЛЯ 1760 ГОДА. ВТОРАЯ ЗАПИСЬ — 3 НОЯБРЯ 1760 ГОДА.

— Что произошло третьего ноября? — спросила она.

Анна побледнела.

— В тот день я очнулась в её теле.

Ниже стояла пометка:

ЛИЧНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНА. ОБОЛОЧКА ПРИГОДНА.

Вероника почувствовала тошноту.

Анну Свиридову не выбрали случайно. Её прежнюю личность уничтожили или объявили уничтоженной, чтобы подготовить тело для другого сознания.

В конце списка была ещё одна запись.

Имя отсутствовало. Вместо него стояла буква «Е».

Рядом указали дату ближайшего полнолуния.

— Екатерина, — прошептал Григорий.

Внизу стоял адрес.

— Типография, — сказала Анна. — Я знаю это место.

За их спинами скрипнула половица.

Григорий мгновенно задул свечу.

В темноте послышалось дыхание.

Один из охранников бросился к двери, но сверху упала сеть. Двое мужчин рухнули на пол. В дальнем конце галереи вспыхнул фонарь.

Человек в сером плаще выхватил лист из рук Вероники и побежал.

— Стой! — крикнул Григорий.

Анна схватила с пола пустую раму и швырнула её беглецу под ноги. Тот перепрыгнул, но потерял несколько мгновений.

Вероника бросилась следом.

Она настигла его у лестницы и вцепилась в плащ. Беглец резко повернулся. В руке блеснул нож.

Вероника отступила.

Анна налетела на мужчину сбоку. Они ударились о перила. Нож выпал, но лист остался у неизвестного. Он перемахнул через ограждение и спрыгнул на нижнюю площадку.

Когда охранники выбежали во двор, там уже никого не было.

Вероника вернулась к картине.

— Он забрал список, — сказал Григорий.

— Не весь.

Она подняла с пола узкую полоску, оторвавшуюся от листа во время борьбы.

На ней сохранились три слова:

ТИПОГРАФИЯ. ВТОРАЯ СМЕНА. ПОЛНОЧЬ.

Анна тяжело дышала, прижимая ладонь к ушибленному плечу.

— Если поторопимся, успеем.

— Вы останетесь здесь, — сказал Григорий.

— Это место связано со мной.

— Именно поэтому.

Вероника посмотрела на Анну.

— Она едет.

— Княгиня, приказ императрицы…

— Мы не станем входить без вас. Но Анна знает типографию и людей Бельской. Она нужна.

Анна благодарно кивнула, но Вероника отвернулась.

Это не было доверием.

Пока нет.

Просто две женщины, претендующие на одну жизнь, оказались связаны одним врагом.

Иногда для начала союза этого достаточно.

Глава 6. Мёртвый наборщик

Типография скрывалась за вывеской переплётной мастерской. Днём здесь ремонтировали молитвенники, календари и конторские книги. Ночью печатали письма, свидетельства и приказы, которых никто не отдавал.

Дверь со двора оказалась незапертой.

— Ловушка, — прошептал Григорий.

— Разумеется, — ответила Вероника. — Но разве мы приехали бы, если бы нас не приглашали?

Анна толкнула дверь.

Внутри пахло краской, сырой бумагой и раскалённым металлом. На длинных столах лежали литеры. Пресс в центре помещения был ещё тёплым.

Людей не было.

Григорий послал двух охранников осмотреть верхний этаж. Сам приблизился к печатному станку.

Из-под него виднелась человеческая рука.

Наборщик лежал на полу. На виске темнела кровь. Григорий коснулся его шеи и покачал головой.

Анна опустилась рядом.

— Это он.

— Кто?

— Илья. Он помог мне сбежать из лечебницы.

Вероника присела. В правом кулаке погибшего были зажаты свинцовые литеры.

— Он хотел что-то сообщить.

Она разжала его пальцы. На ладонь упали четыре знака:

О, Д, И, Н.

— «Один», — прочитал Григорий.

— Слишком просто.

Вероника подошла к наборной кассе. Почти все отделения были заполнены, но некоторые литеры отсутствовали. Она сосчитала пустые ячейки.

Две в верхнем ряду. Три в следующем. Пять. Семь. Одиннадцать.

— Простые числа, — сказала она.

Анна нахмурилась:

— Опять?

— Тайное общество любит повторять подпись. Нужно взять первую литеру из второй ячейки, затем из третьей, пятой, седьмой…

— Из каких строк?

Вероника оглянулась на погибшего.

— Он оставил слово «один». Начинаем с первого печатного листа.

На столе лежали пробные оттиски. Вероника перебирала страницы, выбирая буквы по простым числам. Постепенно сложилась фраза:

КНИГА УЧЁТА ПОД ПОЛОМ. НЕ ВЕРЬТЕ ТОМУ, КТО ПРИДЁТ ПЕРВЫМ.

Григорий проверил доски. Под одной обнаружилось углубление, но оно было пусто.

— Книгу уже забрали.

На улице прозвенел колокольчик.

Кто-то вошёл в переднюю часть мастерской.

Охранники подняли оружие.

— Не стреляйте! — крикнул мужской голос. — Я от государыни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.